

ЛЕПНАЯ ПОСУДА С АППЛИКАЦИЕЙ В ПАМЯТНИКАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

FIALKO, Elena/ФИАЛКО, Елена
UKRAYNA/UKRAIN/УКРАИНА

ABSTRACT

The Hand-Made Pottery with the Application in Decor of the Early Iron Age

The wide spectrum of ornamental techniques is typical for hand-made pottery of the Early Iron Age. Application is the most rare one. Among other stock, big black-glossy vessel was found in large barrow near village Glevakha (Kiev Region, Ukraine). Its ornament consisted of gold strips on throat and a great number of triangular gold plates on body. There were no similar finds on the territory of European Scythia. However, the tradition of ornamenting hand-made pottery with application is common for graves in Altai (Pazyryk Culture). But these ornaments in the form of animals and plants were made of leather, not of gold, sometimes covered with tin foil. Pictures of that kind were used as amulets to protect the content of vessels from malicious spirits. Clay vessels with application were found in tombs of representatives of either sex.

The tradition of covering pottery with application was probably brought from the West (quite possibly from territory of northeast Italy) to the Dnieper Right Bank region together with black-glossy vessels. Later on this modern trend spread over the territory of Altai to acquire local features. This new fashion came through commercial contacts or military campaigns of carriers of new traditions.

Key Words: Hand-made, traditions, Iron Age.

РЕЗЮМЕ

Для лепной посуды раннего железного века отмечается широкий спектр орнаментальных приемов. Наиболее редко встречающийся прием - аппликация. В большом кургане у с. Глеваха Васильковского района Киевской области (Украина), среди прочего инвентаря, была найдена большая чернолощенная корчага. Ее орнамент состоял из золотых лент на горле и рядов треугольных золотых бляшек на тулове. На территории Европейской Скифии аналогичных находок нет. Однако традиция украшения лепной посуды аппликацией известна в погребальной практике представителей Пазырыкской культуры Алтая. Но здесь украшения в форме фигурок зверей и растений были сделаны не из золота, а из кожи, иногда покрытой оловянной фольгой. Такие изображения служили оберегами, охранявшими содержимое

сосудов от злых духов. Глиняные сосуды с аппликацией найдены в могилах представителей обоего пола.

Возможно, традиция украшения керамической посуды аппликацией пришла в Днепровское Правобережье с запада вместе с чернолощенной посудой. Не исключено, что с территории северо-восточной Италии. А затем, как некое новомодное веяние, распространилась на территории Алтая, где получила локальную окраску. Пути распространения новой моды украшения посуды могли быть разными – как обменно-торговые контакты, так и военные походы носителей новых традиций.

Ключевые Слова: Лепная посуда, традиция, железный век.

При определенном разнообразии форм лепная посуда отличается значительной консервативностью, сохраняя локальные особенности на протяжении длительного времени. Поэтому керамические изделия служат одним из важнейших признаков определенных археологических культур. Среди наиболее значимых (этнических, хронологических) ее черт выступает орнамент. Для посуды раннего железного века отмечается широкий спектр орнаментальных приемов. Наиболее характерен углубленный орнамент в виде различной формы вдавлений, защипов, проколов, прочерченных или процарапанных линий (иногда заполненных пастой), реже применялся объемный декор в виде валиков и фигурных налепов-выступов. Определенный эффект достигался заглаживанием и лощением поверхности. Часто различные типы орнаментов сочетались. К числу редко встречающихся приемов орнаментации относится аппликация.

В 1950 г. А.И. Тереножкин раскопал большой курган (первоначальная высота 12 м, диаметр 60-70 м), в 2 км южнее с. Глеваха Васильковского района Киевской области (Украина), (Тереножкин, 1954: 80) (**Рис. 1**). Под центром кургана в большой яме (8,0 x 5,0 x 2,5 м), ориентированной по линии северо-запад - юго-восток, был устроен деревянный склеп с дромосом (6,0 x 1,8 м), примыкающим с юго-восточной стороны. Главного погребенного сопровождала насильственно умерщвленная молодая женщина. Кроме разрозненных и раздавленных древними грабителями костей, в могиле уцелели: бронзовый кистень; две бронзовые крестовидные уздечные бляхи; два фрагмента костяных стержней; два железных гвоздевидных стержня; морская раковина с розовой краской в одной из створок, две золотые, одна стеклянная зеленого цвета и 25 мелких пастовых белого цвета бусин; железное колечко; бронзовая гвоздевидная сережка; две бронзовых гвоздевидных булавки и бронзовый наконечник стрелы. В набор лепных сосудов (обнаруженных в мелких фрагментах) входили орнаментированное

по венчику глубокое блюдо, чернолощенный кубок, три разных по размеру и орнаментации горшка и корчага типа Вилланова (Тереножкин, 1954: **табл.1, рис.11-13**).

Из набора уцелевшего погребального инвентаря нас интересует последняя находка. Реставрированный сосуд представляет собой большую корчагу (высота – 74 см, диаметр венчика – 34,6 см; тулова – 63,4 см, дна – 15,4 см) с широким резко отогнутым наружу венчиком, высокой конической горловиной, покатыми плечиками и резко сужающимся к плоскому дну туловом (**Рис. 2**). Поверхность сосуда черного цвета с металлическим отливом, покрыта лощением и, вероятно, натерта графитом. Верхнюю половину сосуда покрывал орнамент двух типов – пластический и накладной. По плечу сосуд украшали три пары округлых вертикальных выступов. От накладного орнамента, состоявшего из золотых бляшек и лент, на месте их крепления к поверхности сосуда сохранилась белая цементирующая масса. На некоторых фрагментах стенок, попавших в огонь при ритуальном сожжении погребения, “цемент” от бляшек не сохранился, но на их местах образовались темные пятна, повторяющие контур аппликаций. Форма бляшек восстанавливается благодаря их отпечаткам на “цементе” – треугольники со скругленными углами, украшенные строеными концентрическими кружками (рис. 2, 2). Размеры бляшек, судя по рисунку, 2,4 x 2,4 см. Верхнюю часть орнаментального пояса ограничивали две отстоящие на 4,0 см друг от друга горизонтальные золотые ленты шириной по 4,0 см каждая. От верхней ленты, расположенной под венчиком, поднимались три вертикальные полосы такой же ширины, загнутые через край внутрь сосуда. Основным узором состоял из трех рядов треугольников, образованных тремя бляшками. Снизу орнамент ограничивался рядом треугольных бляшек вершинами вверх, расположенных по плечу корчаги (**Рис. 2, 3**).

Для керамического комплекса раннескифского времени Украинской Лесостепи глевахская корчага практически уникальна. Кроме нее известна только одна находка керамического сосуда с золотой аппликацией (рис. 3) из кургана № 1 группы “Пятое поле” в урочище Марченки близ Бельского городища (Полтавская область). В то же время, близкие по форме корчаги с выступами-упорами, традиция которых восходит к культурам каннелированного гальштата, широко использовались населением Среднего Поднепровья в раннескифское время (Смирнова, 1999: 241-243). Близкие параллели по силуэту, но без накладных украшений, найдены в кургане № 447 у с. Журовка (Ильинская, 1975; табл. XII, 18) и кургане № 100 у с. Синявка (Ковпаненко, 1981: **Рис.41, II**) (**Рис. 4, I-2**). Вполне сопоставимые с нашим сосуды, но с более широкой горловиной, известны в памятниках Среднего Поднепровья (Западно-Подольская группа) (Sulimirski, 1936: **tab. XIV, 1; XV, 4**). Аналогичные сосуды обнаружены в памятниках Восточного

Гальштата: Бад Фишау, могилах 2/1968 (**Рис. 4, 3**) и 7/1969 могильника Блаи (Трансильвания) (Klemm, 1996: **taf. 1**; Vasiliev, 1980; **pl.7, 1,3**). Определенное сходство улавливается в характере орнаментации в корчаге из Брецие, хотя ее и отличают более приземистые пропорции. В самой узкой части ее горловины орнамент образует широкую горизонтальную ленту, а по плечу сосуд опоясан орнаментальным фризом из треугольников, развернутых вверх вершинами (Смирнова, 2001; **Рис. 3, 5**). Схожая по очертаниям корчага, но с отличными приемами и характером декора, происходит из кургана у хут. Шумейко (Ильинская, 1968; табл. LVII, 1). Два орнаментальных пояса из заштрихованных геометрических фигур расположены на ее шейке и плече под выступами (**Рис. 4, 4**). В качестве отдаленной параллели узору глевахской корчаги можно привести близкую по форме гальштатскую урну из могильника у Гемейнлебарна близ Линца (Австрия), (Граков, 1977; рис.12). Почти вся поверхность сосуда покрыта полихромным узором - под венчиком (как и в нашем случае) две широких светлых горизонтальных полосы, ниже – два ряда крупных треугольников, внутри которых помещены орнаментальные фризы из треугольников и ромбов в различных сочетаниях. На плече расположены чередующиеся объемные фигурки всадников и женщин, несущих на головах сосуда (**Рис. 4, 5**). Биконические сосуды несколько иного облика с украшенной геометрическими узорами верхней частью (**Рис. 4, 6**) характерны для памятников культуры Эсте (северо-восток Италии), синхронной культуре Вилланова. В могилах II периода этой культуры, который датируется 750-575 гг. до н.э., появляются глиняные ситуты с геометрическим орнаментом, иногда дополненным украшениями из бронзовых пластин (Монгайт, 1974: 152, 154). В качестве аналогий здесь уместно привлечь серию бронзовых сосудов из Гальштатского могильника. Наиболее близок глевахскому по форме сосуд из могилы № 577 – с широким плоским венчиком, высокой шейкой, биконическим туловом и узким плоским дном. Высота его – 45 см. Шейку его украшают два рельефных пояса, образующих горизонтальную полосу; на наиболее выступающей части тулова и у дна – пояски из выпуклых заклепок конической формы (**Рис. 5, 4**). Похожий на предыдущий сосуд из могилы № 505 ниже (его высота около 31 см), более приземист и дополнен двумя горизонтальными ручками (**Рис. 5, 3**). Еще два сосуда с вертикальными ручками как у кувшинов, более приземисты и округлотелы, и меньшего размера. Сосуд из могилы № 299, высотой 13,3 см, густо украшен геометрическим орнаментом из горизонтальных поясков и треугольников, развернутых вершинами вверх (**Рис. 5, 1**). Орнамент сосуда из могилы № 500, высотой 13,5 см, наиболее интересен. В месте наибольшего расширения тулова расположен пояс из полусферических заклепок, с обеих сторон которого идут два орнаментальных пояса из

фигурок птиц (?) и коней, ограниченных лентами из густо посаженных полусферических выпуклин (**Рис. 5, 2**). В двух последних случаях орнамент выполнен тиснением, но зрительно очень напоминает аппликацию.

Прототипы лощеной посуды типа глевахской корчаги происходят из Восточного Гальштата и с территории его восточной периферии – Карпато-Дунайского региона. Единственного центра, откуда брала начало керамика подобной формы, найти пока не удастся (Смирнова, 2001: 42). При этом уже неоднократно отмечалась связь таких сосудов с керамикой поздней культуры полей погребальных урн (Klemm, 1966: 193-195; Metzner-Nebelsick, 1996: 301).

Золотые треугольные бляшки с тремя кружками находят аналогии среди лесостепных древностей территории современной Украины, хотя они и не многочисленны (рис. 6). Такие украшения были найдены в кургане № 35 у с. Бобрица (15 экз.), кургане № 100 у с. Синявка (11 экз.), кургане № 13 у хут. Поповка (3? экз.), кургане № 1 группы “Пятое поле” в уроч. Марченки (4 экз.) и др. (Ковпаненко, 1981; Ильинская, 1968; Черненко, Ролле, Скорый, Махортых, Герц, Белозор, 2004). Перечисленные выше бляшки (как и сосуды) датируются в пределах 6 в. до н.э. или первой его половины. Лишь курган № 1 в уроч. Марченки относится к более раннему времени – второй половине 7 – началу 6 в. до н.э. Здесь уместно вспомнить и аналогичную золотую бляшку (чуть большего размера – 3,0 x 3,0 см) из богатой женской могилы № 505 Гальштатского могильника (**Рис. 6, II**). Дата этого погребения с кремацией, определяемая ранее 7 в. до н.э. (Hodson, 1990), по обновленной схеме гальштатской хронологии (Брюяко, 2004: 44) выводится в 8 в. до н.э. В данном контексте интересна находка части глиняной литейной формы на поселении раннего железного века близ г. Тараща (рис. 6, 12). Форма предназначалась для отливки бронзового штампа (или матрицы), с помощью которого изготавливались золотые бляшки в виде строенных концентрических кругов (Бессонова, Романюк, 2004: 99). Эта находка свидетельствует о производстве таких золотых треугольных бляшек на территории Лесостепного Поднепровья.

Определения пола погребенных в могилах с находками таких золотых бляшек не позволяют говорить о каких-либо приоритетах. В двух случаях погребения мужские (Марченки; Глеваха - парное), в остальных женские (Поповка, Бобрица – парное, Синявка - групповое, где основное женское). Судя по обстоятельствам находок, этот тип бляшек можно отнести к универсальному, поскольку в тех случаях, когда комплекс не пострадал от ограбления, они связываются с костюмом. И лишь в одном случае (курган у с. Марченки) допускается их связь с керамическим сосудом (Фиалко, 2006: 7).

Учитывая характер погребального ритуала, сопровождающего инвентаря и аналогии ему, А.И. Тереножкин определил дату погребения у с. Глеваха серединой 6 в. до н.э., усматривая в нем усыпальницу вождя местного племени (Тереножкин, 1954: 95, 96). Совершенно очевидно, что в данном случае мы столкнулись с примером того, как местные мастера существенным образом изменили привычный облик посуды путем дополнения гальштатской “основы” местными элементами. В Европейской Скифии аппликациями украшали: парадную (погребальную) одежду, деревянные чаши, реже колчаны и ножны мечей. Узор составлялся из золотых накладных или нашивных бляшек различной формы. Во всяком случае, сохранились только металлические детали аппликации. Однако находки в памятниках Алтая позволяют предположить использование и других материалов для украшения “домашней” утвари и у населения Европейской Скифии.

Два практически одинаковых по форме лепных сосуда аппликацией стояли на полу ограбленной камеры второго Пазырыкского кургана. Один кувшин, из серой плохо вымешанной глины с большим количеством крупнозернистых примесей, сохранился полностью. Крупный плоскодонный сосуд с высокой горловиной раструбом и широким туловом, резко сужающимся ко дну, имел следующие размеры: высота – 50 см; диаметр венчика – 17 см, горла – 11,5 см, тулова – 28,5 см, дна - 12 см. Поверхность покрыта тонким слоем хорошо отмученной желтовато-красной глины и залощена. По верхнему краю на горлышко была наклеена широкая (8,0 см) полоса очень тонкой кожи. В средней части тулова располагался орнаментальный фриз из шести силуэтных изображений фигурок петухов, вырезанных из более толстой кожи (**Рис. 7, 1; 8, 1**). Размеры кожаных накладок – 15,3 x 12,0; 12,6 x 12,0 см. Фигуры располагались друг за другом, развернутые по три в разные стороны. Таким образом, одна пара птиц оказалась повернутой друг к другу головами, а другая – хвостами. Все украшения однотипны – петухи изображены с поднятой головой, украшенной широким гребнем и бородачкой, прижатым крылом, распушенным хвостом и приподнятой ногой. На гребне, голове, теле и хвосте сделаны сквозные орнаментальные прорези. При этом ажурные фигурки вырезаны не по трафарету, а каждая самостоятельно, поэтому они немного отличаются. Украшения наклеивались на сосуд гладкой стороной кожи, а мездряную наружную поверхность покрывал тонкий слой оловянной фольги (Руденко, 1953: 90-91).

Второй аналогичный кувшин сильно разбит. Его размеры чуть отличны: диаметр венчика – 16,3 см, горла – 10,4 см, тулова – 29 см, дна-8 см. Возможно, что и этот сосуд был украшен ажурной кожаной аппликацией, поскольку среди фрагментов горловины был найден ажурный цветок лотоса

(Рис. 8, 6). Размеры кожаной накладки – 10,5 x 9,0 см. Не исключено, что его украшали и петухи, так как здесь же были найдены еще две такие же фигурки как на первом сосуде (Руденко, 1948: 22-23).

В хозяйственном отсеке погребения самого знатного и богатого, по определению Н.В. Полосьмак, пазырыкца Укока в кургане Кутургунтас, разграбленном в древности, были собраны фрагменты разбитого кувшина. Высокогорлый глиняный кувшин (высотой 44 см) был украшен найденными рядом с ним кожаными аппликациями в виде вырезанных по контуру ажурных фигурок грифонов (Рис. 7, 2; 8, 7). Размеры фигурок из кожи – 8,7 x 5,5 см. Как и в предыдущем случае, они были наклеены на тулово кувшина (Полосьмак, 1994: 70).

Пара лепных сосудов происходит из женского погребения кургана №1 могильника Ак-Алаха-3, раскопанного Н.В. Полосьмак в Горном Алтае. Оба кувшина вытянутых пропорций, с высокой слегка расширяющейся к венчику горловиной и широким туловом, резко сужающимся ко дну (Рис. 7, 3-4). Поверхность сосудов покрыта тонким слоем ангоба, практически не отличимого по цвету от теста, и залощена. Один кувшин более массивный, декорирован четырьмя налепными валиками – одним под венчиком и тремя в месте перехода горловины в плечико. Валики орнаментированы зигзагом из оттисков гладкого штампа. Второй, более изящный кувшин, декорирован тремя налепными валиками – одним под венчиком и двумя в месте перехода горловины в плечико. От нижнего валика до середины его тулова спускаются вертикальные зигзагообразные линии, выполненные красителем (Молодин, Ламина, 2000: 140). По венчику оба сосуда оклеены кожей. Кроме того, декор дополняла кожаная аппликация (Рис. 8, 8) От нее сохранились мелкие ажурные детали, в которых просматриваются части фигурок петухов (Полосьмак, 2000: 69). В определенной степени узор на этом сосуде перекликается с тем, что покрывал пазырыкский сосуд, однако, здесь он кажется более сложным и насыщенным. Сами же детали ближе всего к изображениям, украшавшим колоду из первого Пазырыкского кургана (Грязнов, 1950; табл.V, 3).

В кургане № 2 могильника Ташанта-II (Южный Алтай), среди прочего инвентаря женской могилы найдена ажурная кожаная аппликация в виде фантастического зверя, “многими чертами напоминающая кошачьего хищника” (Рис. 8, 9). Размеры кожаной накладки – 15,5 x 8,0 см. В.Д. Кубарев предположил, что эти аппликации (частично унесенные грабителями) тоже служили украшениями тулова крупного лепного сосуда, раздавленного и найденного здесь же в обломках (Кубарев, 1987: 47, Рис.17).

Высокогорлые стройные кувшины, по мнению В.Д. Кубарева, являются определяющим, классическим образцом типично пазырыкской керамики.

Кроме собственно Пазырыка и Туэқты, такие сосуды в большом количестве известны и по материалам погребальных памятников рядовых кочевников, в том числе в курганах Юстыда и Уландрыка (Кубарев, 1991: 59). С.И. Руденко обратил внимание на то, что при значительной высоте сосуды имели довольно маленькое дно. Следовательно, они были неустойчивыми. Раскопки курганов Пазырыкской культуры внесли ясность, как стояли такие сосуды. Их, как и деревянные круглодонные чаши, ставили в специальные войлочные или веревочные кольца различного диаметра, иногда (как во втором Пазырыкском кургане) пришитые к напольному ковру (Руденко, 1953: 91; Полосьмак, 2000: 69; Молодин, 2000: 112). Вполне вероятно, что и аналогичные глевахскому сосуды крупных размеров с маленьким плоским дном имели подобные дополнительные приспособления для придания им большей устойчивости.

Рассмотрение глиняного сосуда из кургана № 3 могильника Верх-Кальджин-II на фоне близких соответствий из других памятников позволило сделать ряд интересных наблюдений. Подобная керамика присуща носителям Пазырыкской культуры, но известна и в памятниках соседних территорий – востока Казахстана, Монголии и Тувы. Сходство посуды такой формы в широком ареале культур скифо-сарматского мира отмечалось и ранее (Вайнберг, Левина, 1992: 56). Прародиной сложения таких форм, по мнению В. И. Молодина, следует считать Среднюю Азию и прилегающие районы Казахстана. Появление посуды специфической формы, слабо орнаментированной, но со своеобразными чертами декора следует считать “явлением эпохальным для ряда евразийских культур” (Молодин, 2000: 113).

Лепная керамическая посуда из курганов Пазырыкской культуры, как правило, лишена каких бы то ни было орнаментальных узоров на совершенно гладкой поверхности. Возможно, это объясняется наличием на сосудах кожаной аппликации, истлевшей со временем или утраченной в результате ограбления (Руденко, 1952: 46). В пользу такого предположения свидетельствуют и размеры кожаных накладок. Высота их составляла от 8,7 до 15,5 см. А это означает, что накладной рисунок занимал около четверти поверхности сосуда и для иного рода орнамента (во всяком случае пластического) места практически не оставалось. Поэтому кажущаяся “простота” и “однообразие” декора этой посуды, выполненной, однако, в различной технике (краска, резьба, аппликация, рельефы), по справедливому замечанию В.И. Молодина, требует дальнейшего осмысления (Молодин, 2000: 114).

Судя по сохранившимся кожаным узорам, для украшения керамических сосудов использовались фигурки петухов (и фениксов), грифонов, а также, видимо, кошачьих хищников и цветы лотоса. У горноалтайцев, как и у

многих других народов, петух был священным, возвещающим своим криком рассвет, восход солнца, отгоняющим темных духов ночи. По семантике и художественному воспроизведению образы петуха и феникса были неразделимы как в пазырыкском искусстве, так и в мифологии и искусстве Китая. В древнекитайской мифологической традиции петуху, как и фениксу, отводилась функция хранителя могил (Полосьмак, 1994: 95, 96). Значительную роль петух играл и у народов Передней Азии, начиная с 7-6 вв. до н.э. (Руденко, 1953: 337). Аппликации с этим персонажем у пазырыкцев, видимо, были универсальными. Силуэтные изображения (одиночные и геральдические), выполненные как в довольно реалистической манере, так и сильно схематизированные, украшали саркофаг-колоду (**Рис. 8, 3-5**), пояс (**Рис. 8, 2**), головные уборы, одежду, конские нагивники и иные предметы. Столь же широко распространенными оказались и остальные упомянутые мотивы. О степени их популярности и сакральном наполнении может свидетельствовать и то, что они использованы и в татуировке. Недавние исследования пазырыкских мумий с применением современных методик позволили увидеть татуированные рисунки, не замеченные ранее. Татуировки в виде профильных фигурок петухов были обнаружены на правой кисти мужчины из Второго Пазырыкского кургана и на кисти левой руки женщины из Пятого Пазырыкского кургана. Профильное изображение фигуры хищника кошачьей породы расположено на левом плече мужчины из Пятого Пазырыкского кургана. Растительные рисунки в виде двойного кружка с примыкающими к нему двумя двухлепестковыми пальметками и двух противопоставленных трехлепестковых пальметок татуированы на пальцах соответственно левой и правой рук женщины из Пятого Пазырыкского кургана (Баркова, Панкова, 2005: **Рис.1, 3, 9**).

Подбор сюжетов для украшения посуды связан, прежде всего, с погребальными культами и усилением хтонического начала в них. В поставленных в могилы сосудах, по всей видимости, было налито молоко или молочные напитки, имевшие особую символическую нагрузку в скотоводческих обществах (Полосьмак, 1996: 150). В индоевропейской традиции молоко выступало символом всеобщего изобилия (Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 567). Молоко (как впрочем и вода, и напутственная пища) относится к сфере сакрального характера у многих народов. Поэтому, кроме прочих нагрузок, помещенные на сосуды накладные изображения служили оберегами, охранявшими их содержимое от злых духов

Как показал приведенный выше обзор небольшой серии глиняных сосудов с аппликацией, они находились в могилах представителей обоего пола. В кургане № 1 Ак-Алаха-3 и кургане № 2 могильника Ташанта-II были погребены женщины. Во втором Пазырыкском кургане, как и в Глевахском, основного мужчину сопровождала женщина – племенной вождь с наложницей

по определению С.И. Руденко (Руденко, 1953: 345). В кургане могильника Кутургунтас и кургане № 1 в урочище Марченки были захоронены мужчины. Учитывая, что почти во всех перечисленных погребениях присутствовали женщины, было бы заманчиво предположить некую взаимосвязь сосудов с аппликацией именно с ними, а сами подобные сосуды рассматривать как маркирующий пол погребенного признак. Однако захоронения Кутургунтаса и урочища Марченки разрушают это предположение.

Следует остановиться на хронологическом аспекте. В рассматриваемой группе сосуд из Глевахи занимает наиболее раннюю хронологическую позицию – погребение датируется концом 7-началом 6 в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 179). Возможно, традиция украшения керамической посуды аппликацией пришла в Днепровское Правобережье с запада вместе с чернолощеной посудой. Не исключено, что с северо-востока Апеннинского полуострова. До недавнего времени общепринятой датой курганов Пазырыкской культуры считались 5-3 вв. до н.э. (Боковенко, Мошкова, Могильников, 1992: 166). Последние открытия на Укоке, по сообщению Н.В. Полосьмак, как будто несколько омолаживают собственно Пазырыкские курганы, отодвигая их дату к концу 4 – первой трети 3 в. до н.э. Как бы то ни было, Алтайские курганы, в которых найдены кувшины с кожаной аппликацией, моложе глевахского. Н.В. Полосьмак полагает, что появление кожаных аппликативных элементов в украшении керамики является специфической чертой Пазырыкской культуры, не выходящей за рамки традиционного искусства (Полосьмак, 1994: 70). Думается, на Алтай традиция украшать глиняные сосуды аппликацией, как некая инновация, могла постепенно прийти с западных территорий, поэтому и проявляется она здесь несколько позже (рис. 9). Но на этой территории она получила локальную окраску – вместо металлических накладки были кожаными, иногда покрытыми тонкой оловянной фольгой, имитирующей металл. Пути распространения новой моды украшения посуды могли быть разными – как обменно-торговые контакты, миграционные волны, так и военные походы носителей новых традиций.

Безусловно, все рассмотренные выше сосуды отличаются определенным своеобразием приемов и отдельных элементов декоративного оформления (рис. 14). Тем не менее, можно предположить, что в погребальной обрядности различных культур Евразии раннего железного века существовала традиция ставить в могилы однотипные, близкие по форме глиняные сосуды, декорированные аппликацией. Вероятно, украшенная таким образом посуда не использовалась в быту, а делалась специально для погребального церемониала. Хотя нельзя исключать при этом, что аппликацией могли украсить и сосуды повседневного пользования, но непосредственно перед совершением погребального ритуала. Наряду с несомненными локальными

приоритетами, обширный кочевнический мир сохранял в своем искусстве отдельные общие представления и образы, воплощенные в пластике и орнаментике.

ЛИТЕРАТУРА

Баркова, Л. Л.-Панкова С. В., (2005), “Татуировки на Пазырыкских мумиях. Новые материалы”, **Эрмитажные чтения. Памяти Б.Б. Пиотровского.** СПб., 15-27.

Бессонова, С. С., Романюк В.В., (2004), “Поселення скіфського часу на території м. Тараша”, **Археологія**, 2, 90-102.

Боковенко, Н. А.-Мошкова, М. Г.-Могильников, В. А., (1992), “Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья”, **Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.** Москва, 151-161.

Бруяко, И. В., (2004), “Обновленная схема гальштатской хронологии Центральной Европы и памятники раннего железного века юга Восточной Европы”, **Старожитності степового Причорномор'я і Криму(XI)**, Запоріжжя, 41-46.

Вайнберг, Б. И.-Левина, Л. М., (1992), “Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи”, **Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.** Москва, 47-61.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., (1984), **Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры.** Т.2. Тбилиси:1328.

Граков, Б. Н., (1977), **Ранний железный век.** Москва:232.

Грязнов, М. П., (1950), **Первый Пазырыкский курган.** Ленинград:90.

Ильинская, В. А., (1968), **Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья.** Киев: 268.

-----, (1975), **Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.** Киев, 224.

Ковпаненко, Г.Т., (1981), **Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.** Киев: 160.

Ковпаненко, Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., (1989), **Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья.** Киев: 335.

Кубарев, В.Д., (1987), **Курганы Уландрыка.** Новосибирск: 301.

-----, (1991), **Курганы Юстыда.** Новосибирск: 190.

Молодин, В. И., (2000), “Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II”, **Феномен алтайских мумий**. Новосибирск, 86-119.

Молодин, В. И.-Лamina, В. В., “Технологический анализ керамических сосудов”, **Феномен алтайских мумий**. Новосибирск, 140-143.

Монгайт, А. Л., (1974), **Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века**. Москва: 408.

Полосьмак, Н. В., (1994), **Стерегущие золото грифы (Ак-Алахские курганы)**. Новосибирск: 180.

Полосьмак, Н. В., (1996), “Погребение знатной пазырыкской женщины”, **ВДИ**, 4, 143-167.

Полосьмак, Н. В., (2000), “Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3”, **Феномен алтайских мумий**. Новосибирск, 57-85.

Руденко, С. И., (1848), **Второй Пазырыкский курган**. Ленинград: 63.

-----, (1952), **Горноалтайские находки и скифы**. Москва-Ленинград: 63.

-----, (1953), **Культура населения Горного Алтая в скифское время**. Москва-Ленинград:402.

-----, (1960), **Культура населения Центрального Алтая в скифское время**. Москва-Ленинград: 359.

Смирнова, Г. И., (1999), “О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII-VI вв. до н.э.)”, **Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к столетию Б.Н. Гракова)**. Запорожье, 241-243.

-----, (2001), “Гальштатский компонент в раннескифской культуре Лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища)”, **РА**, 4, 33-44.

Тереножкин, О. И., (1954), “Курган біля с. Глеваха”, **Археологія**, IX, 80-97.

Фиалко, Е. Е., (2006), “Об одном типе золотых украшений скифского времени (к вопросу об эволюции и происхождении)”, **Археологічний літопис Лівобережної України**, 1, 61-73.

Черненко, Е. В.-Ролле, Р. А., Скорый С.А., Махортых С.В., Герц В.Ю., Белозор В. П., (2004), **Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции 2003 года**. Киев: 97.

Hodson, F. R., (1990), **Hallstatt. The Ramsauer graves. Quantification and analysis**. Bonn: 244.

Klemm, S., (1996), “Zum Verhltnis Hhensiedlung-Grberfeld im Spiegel der hallstattzeitlichen Funde am Alpenostrand, dargestellt am Beispiel der Malleiten bei Bad Fischau/NIJ”, **Die Osthallstattkultur**. Budapest, 180-205.

Metzner-Nebelsick, C., (1996), “Die Umenfelder – und Hallstattzeit in Sdostpannonien – eine Region im Spannungsfeld zwischen Osthallstattkreis, karpatenlndisch-balkanischer Eisenzeit und Steppenkultur”, **Die Osthallstattkultur**, Budapest, 280-310.

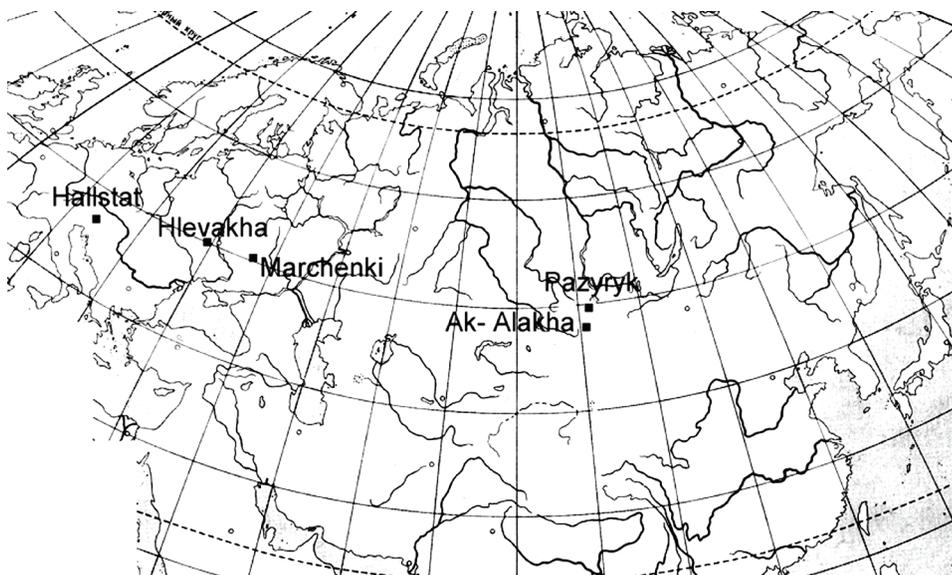
Sulimirski, T., (1936), **Scytowie na zachodniem Podolu**. Lwyw: 136.

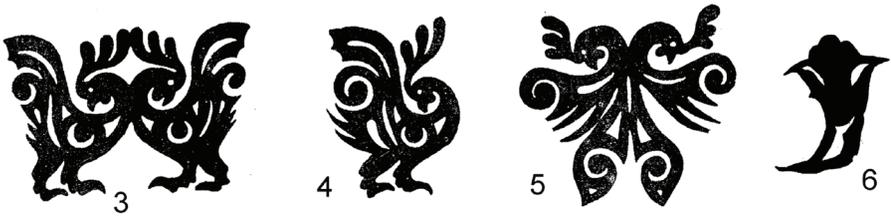
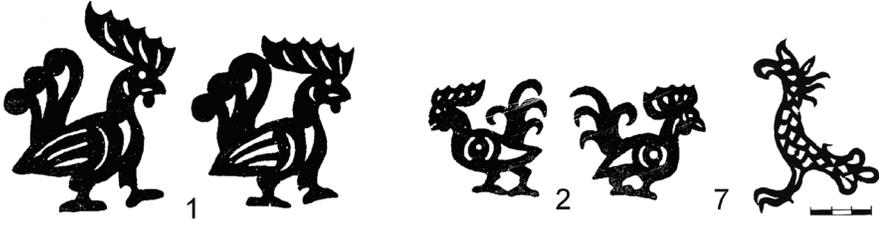
Vasiliev, V., (1980), **Sciuii agatorci pe teretoriul Romvniei**. Cluj-Napoca: 185.

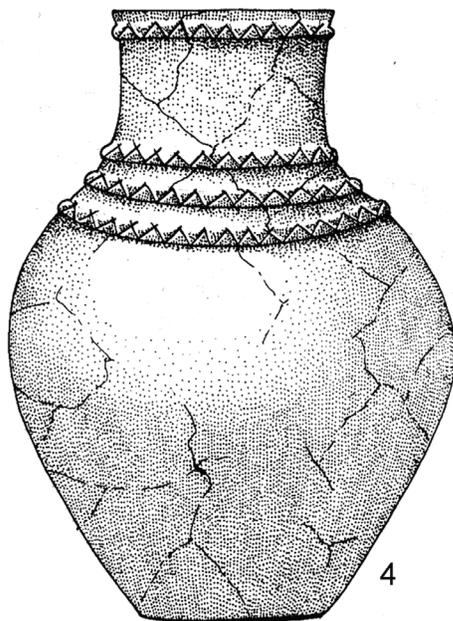
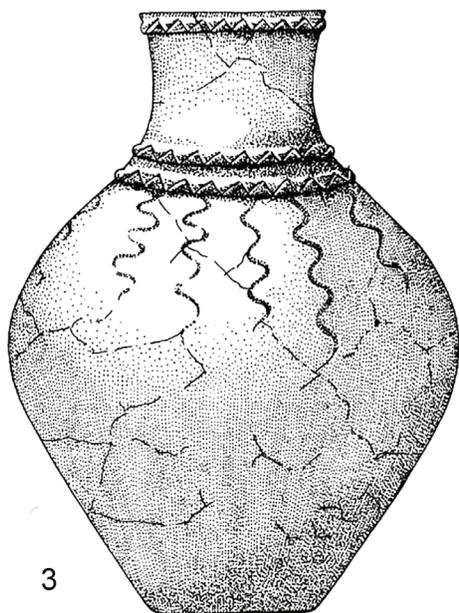
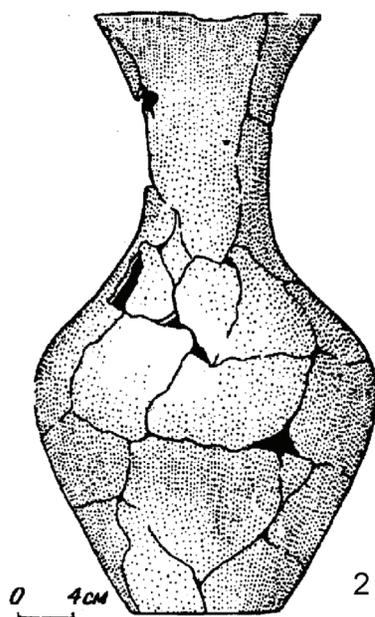
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

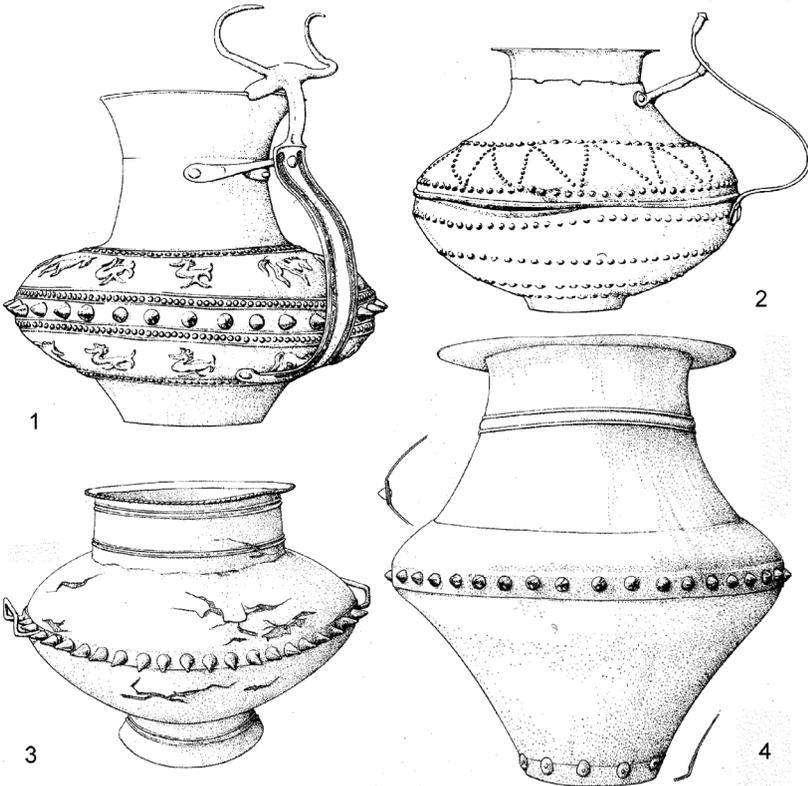
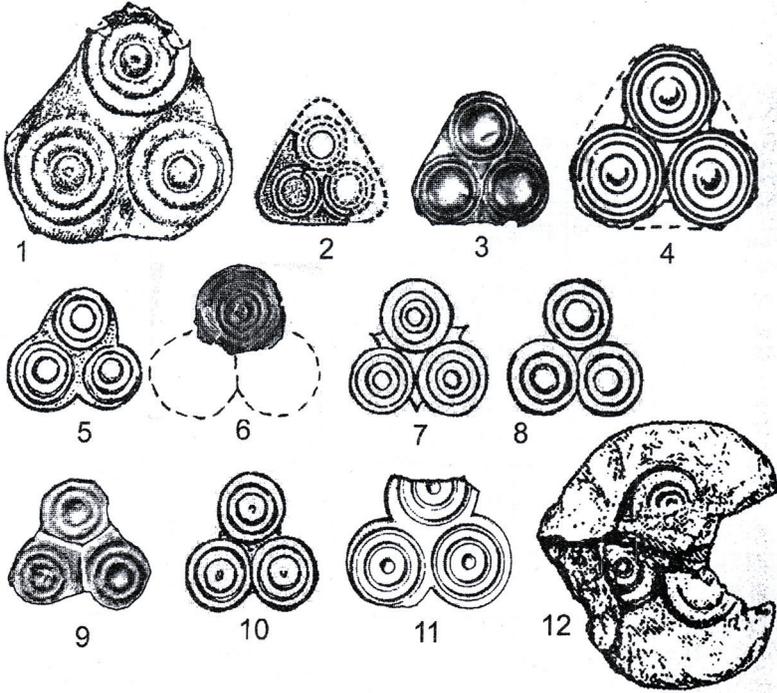
ВДИ – Вестник древней истории

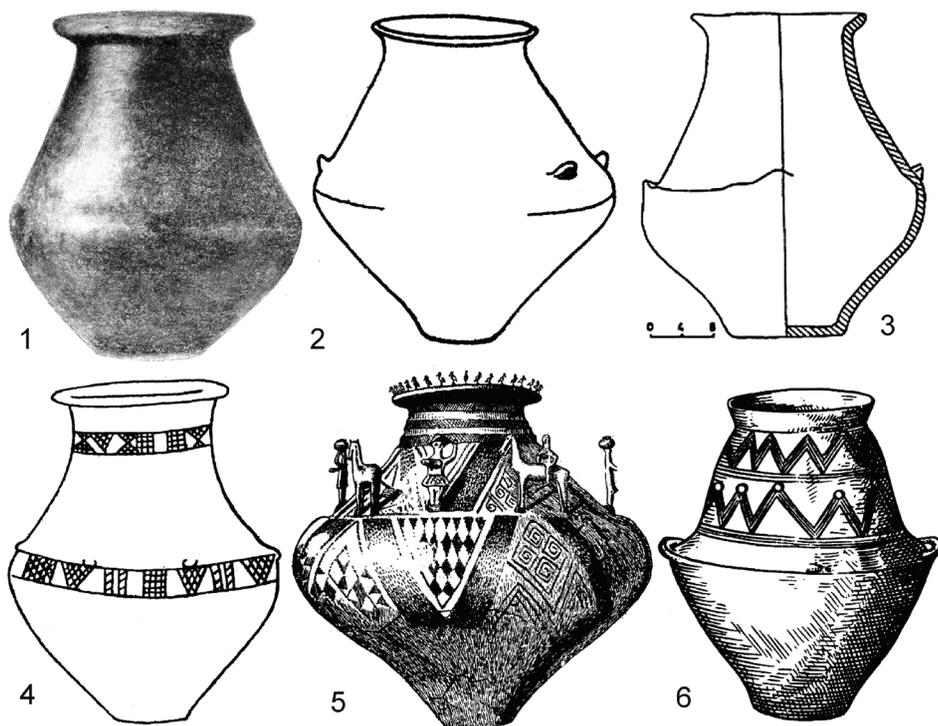
РА – Российская археология

Список иллюстраций

Рис 1: Позиция кургана у с. Глеваха на территории Украинской Лесостепи.

Рис 2: Корчага (1, 2) и золотая бляшка (3) из кургана у с. Глеваха (по Тереножинку, 1954).

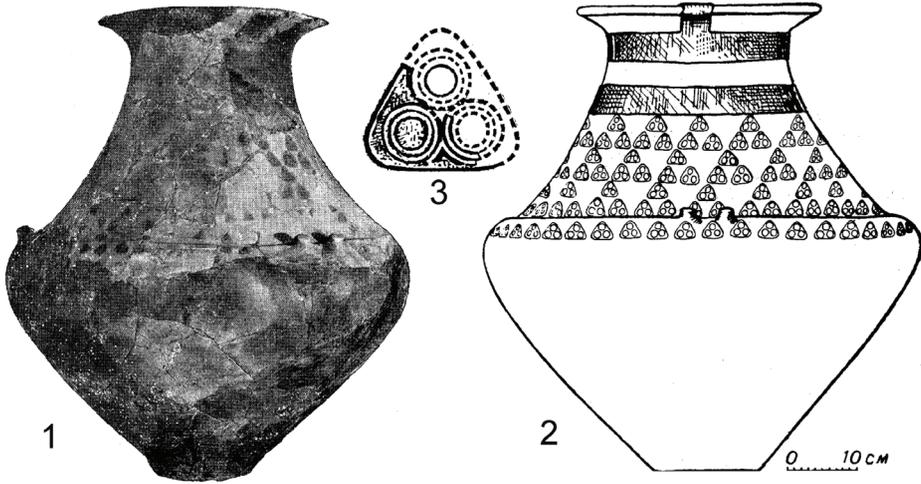

Рис 3: Лепной сосуд и золотые аппликации из кургана № 1 в урочище Марченки.

Рис 4: Лепные сосуды из погребальных памятников:

1. курган № 447 у с. Журовка; 2. курган № 100 у с. Синявка; 3. могила 2/1968 могильника Блаи; 4. курган у хут. Шумейко; 5. могильник у Гемейнлебарна; 6. погребальная урна культуры Эсте (по мак-Айверу).

Рис.5: Бронзовые сосуды из Гальштатского могильника:

1. могила №299; 2. могила № 500; 3. могила № 505; 4. могила № 577.

Рис 6: Золотые бляшки из Лесостепных памятников:

Рис 7: Лепные сосуды из курганов Алтая:

1. 2-ой Пазырыкский курган; 2. курган Кутургунтас; 3-4. курган № 1 могильника Ак-Алаха-3.

Рис 8: Образцы кожаной аппликации:

1-6. Второй Пазырыкский курган; 7. курган Кутургунтас; 8. курган № 1 могильника Ак-Алаха-3; 9. курган № 2 могильника Ташанта-II.

Рис 9: Распространение лепных сосудов с аппликацией на территории Евразии в раннем железном веке.